

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ¹⁾.

XVII. Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ.

Одинъ изъ хорошихъ сказителей (Калининъ) сообщилъ Гильфердингу въ числѣ другихъ старинъ (о Святогорѣ, Вольгѣ и Микулѣ, Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ, Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ, Добрынѣ, Михаилѣ Потыкѣ, Ставрѣ, Чурилѣ, Дюкѣ и др.) мѣстное преданіе о силачѣ Рахтѣ, обработанное въ формѣ старинки. Преданіе о Рахтѣ связано съ небольшимъ озеромъ Рагнозеромъ (на картѣ Рангозеро), лежащимъ къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера. „Говорятъ, замѣчаетъ Гильфердингъ (въ примѣчаніи къ былинѣ № 11), будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ деревнѣ (на

---

¹⁾ См. „Этногр. Обозр.“ XXVIII.

берегу озера) нѣкогда жилъ знаменитый борецъ". Гильфердингу не пришлось провѣрить на мѣстѣ, т. е. въ самой деревнѣ Рагнозерѣ, на сколько живы были въ его время эти мѣстныя преданія. Повидимому, Рахта не пользуется слишкомъ широкой извѣстностью за предѣлами Рагнозера; по крайней мѣрѣ, ни Гильфердингу, ни другимъ лицамъ, посѣщавшимъ Олонецкую губернію, не удалось записать другой вариантъ былины о немъ, пропѣтой Калининымъ въ деревнѣ Марнаволокъ. Изъ слѣдующей замѣтки Гильфердинга можно даже вывести, что эта былина принадлежитъ къ числу ставшихъ уже рѣдкими. „Когда Калининъ пропѣлъ ее, бывший тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ) отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ". По словамъ Мореходова, въ пересказѣ, слышанномъ имъ отъ старика, были нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ вариантѣ Калинина. Послѣ

Гильфердинга одному изъ мѣстныхъ этнографовъ—любителей К. М. Петрову удалось услышать пересказъ старинки о Рахтѣ (иначе Ракхѣ) отъ сказителя Ал. Иванова, но въ прозаической передачѣ, причемъ извѣстное раньше сказаніе пополняется нѣкоторыми новыми чертами. Съ содержаніемъ замѣтки г. Петрова, напечатанной въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ (1875 г. № 81), знакомитъ болѣе обширный кругъ читателей Л. Н. Майковъ въ статейкѣ „Новыя данныя русскаго эпоса“, помѣщенной имъ въ 1876 г. въ журналѣ „Древняя и новая Россія“ (№ 6, стр. 195—198). Вотъ пока все, что существуетъ въ печати объ этомъ силачѣ, неизвѣстномъ нигдѣ за предѣлами одного уѣзда Олонецкой губерніи.

Припомнимъ былинѹ, записанную Гильфердингомъ, и нѣкоторыя мѣстныя преданія, прикрѣпленныя къ имени Рахты.

Былина рассказываетъ, что въ Москву бѣлокаменную пріѣхалъ какой—то невѣрный боець и требовалъ себѣ отъ князя московскаго поединщика, угрожая въ

случаѣ неисполненія своего требованія сжечь Москву. Ни имени невѣрнаго бойца, ни имени московскаго князя Калининъ не зналъ. Впрочемъ, слушавшій былинѹ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ припомнилъ, что московскаго князя звали Василиемъ. Поединчики не вызывались. Въ это время бывшіе случайно въ Москвѣ мужики балахонники изъ подъ сѣверной стороны громко говорили между собою:

— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскій,

— Этого борца онъ бы нунь въ кучку склалъ!

Услыхали въ народѣ ихъ рѣчи, разспросили ихъ о Рахтѣ и отправили изъ Москвы скорого гонца, чтобъ привезти силача въ Москву. Изъ былины не извѣстно, кто распоряжается этимъ дѣломъ, и князь московскій при этомъ случаѣ не упоминается. Московскій гонецъ пріѣхалъ въ деревню Рагнозерскую, отыскалъ избу Рахты и узналъ отъ его жены, что онъ ушелъ въ лѣса. Узнавъ, съ какимъ порученіемъ прибылъ гонецъ, жена

Рахты предупреждаетъ его, чтобы онъ не сердиль ея мужа, пока онъ голодень, и говорилъ бы съ нимъ только тогда, когда онъ вдоволь покушаетъ хлѣба. Гонецъ по возвращеніи Рахты изъ лѣса исполняетъ ея совѣтъ. Насытившійся Рахта выслушиваетъ гонца и велить ему ѣхать немедленно въ Москву, обѣщаясь явиться туда раньше его. Гонецъ уѣзжаетъ. Рахта, подвязавъ лыжи, дѣйствительно раньше гонца добѣжалъ до Москвы и отыскалъ князя московскаго. Здѣсь его кормили досыта и поили допьяна. Затѣмъ подоспѣлъ гонецъ и далъ совѣтъ князю московскому:

„Ты держи—ко ёго сутки да голоднаго,
„Тожно ты спусти къ борьцу да на бореніе“.

Наголодавшійся Рахта быстро расправился съ борцомъ невѣрнымъ, хватилъ его о кирпичень мостъ и склалъ въ кучку. На вопросъ князя:

„Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?“

Рахта говорить, что ему ничего не нужно, только бы князь указаль, чтобы въ Рагнозерскомъ озерѣ НИКТО не ловиль рыбы безъ его (Рахтова) дозволеньца.

Не трудно видѣть, что слагатель этой нехитрой былины воспользовался нѣкоторыми чертами широко извѣстной въ Олонецкой губерніи пѣсни о Кострюкѣ Темрюковичѣ, этомъ борцѣ-нахвальщикѣ, пріѣхавшемъ въ Москву и посрамленномъ русскимъ силачемъ-мужиномъ въ присутствіи царя. Мѣстный патриотизмъ могъ подсказать ему мысль, для пущаго возвеличенія рагнозерскаго силача, отправить его на „бореніе” въ Москву, чтобы и тамъ, въ столицѣ, подивились его силѣ. Но понятія о Москвѣ и московскомъ князѣ у слагателя и у его героя крайне ограниченныя. Рахта спрашиваетъ гонца:

— „А прибуду буде пораньше васъ,
Гдѣ искать мнѣ князя да московскаго?”

Рагнозерскій дикарь, прибѣжавшій въ Москву на лыжахъ, какъ какой-нибудь лопарь, не промѣняетъ родной деревни на Москву, и право распоряжаться ловлей

рыбы въ своемъ озерѣ ставить выше всякихъ княжескихъ наградъ. Примитивность попавшаго въ столицу захолустнаго мужика еще болѣе подчеркиваетъ дополненіе, сдѣланное къ былинѣ сказителемъ Ал. Ивановымъ. „Когда поединокъ кончился, царь сшилъ Рахтѣ цвѣтное платье, далъ десять рублей денегъ и велѣлъ гулять. Рахта пошелъ. Замѣтилъ это солдатикъ, остановилъ Рахту на улицѣ и сталъ требовать денегъ. Рахта струсилъ служиваго и отдалъ деньги. Тотъ сталъ требовать платья. Рахта и въ этомъ не смѣлъ отказать: зашелъ въ будку, снялъ цвѣтное платье и одѣлъ шинелишку. Приходить къ царю; тотъ спрашиваетъ: „А гдѣ-жъ у тебя платье и деньги?“ Рахта разсказалъ все какъ было. „Ну, гдѣ тебѣ жить въ Москвѣ, Рахта, поди-ка лучше на свое Рагнозеро да лови рыбу“²⁾).

Это дополненіе о томъ, какъ захолустный мужикъ спасовалъ передъ столичнымъ солдатомъ, напоминаетъ тѣ народные анекдоты, въ которыхъ продувной солдатъ

---

²⁾ Древняя и новая Россія. 1876. № 6, стр. 197.

потѣшается надъ сиволапыми мужиками и недогадливыми инородцами, беретъ, напримѣръ, съ попавшаго въ Москву мужичка деньги за право считать галокъ, обижаетъ и обманываетъ простеватыхъ бабъ и т. п. Цѣлая эпопея этихъ народныхъ анекдотовъ о солдатахъ собрана въ извѣстномъ разказѣ Ивана Ваненка о солдатѣ Яшкѣ—красной рубашкѣ.

Кромѣ единоборства съ невѣрнымъ борцомъ въ Москвѣ, къ имени мѣстнаго рагнозерскаго силача прикрѣплены еще два разказа, сообщенные г. Ивановымъ. „Про силу Рахты разказывается, что однажды онъ въ одну охапку принесъ лѣсу (копыльевъ, вязьевъ и оглобель) на двѣнадцать дровней; въ одинъ день и безъ помощи онъ выкашивалъ всѣ пожни по Рагнуксѣ, что косить теперь цѣлое сельское общество. Пригодилась Рахтѣ его необычайная сила и въ семейномъ дѣлѣ: у Рахты была жена, а у жены любовникъ. Имъ хотѣлось извести Рахту. Вотъ жена въ добрый часъ и спрашиваетъ мужа: „Всегда—ли у тебя одинаковая сила, или бываетъ она

иногда меньше?" Рахта проговорился, что когда онъ сотворить съ нею блудъ, тогда сила теряется. Жена воспользовалась этимъ, и Рахту связали. Лежить онъ посреди избы связанный, а жена забавляется съ любовникомъ. Приходятъ Рахтины дѣти — дочь и сынишка маленькій. Рахта просить подать ножикъ, но дочь не даетъ, говоря, что не смѣетъ, боится богоданнаго батюшки; сынишка же маленькій подалъ отцу ножикъ; онъ перерѣзалъ канаты, побѣжалъ къ озеру, обмылся, сила возвратилась, и тогда онъ убилъ жену и любовника".

Послѣдній рассказъ о расправѣ Рахты съ невѣрной женой и ея любовникомъ представляетъ лишь одну изъ безчисленныхъ вариаций на этотъ широко распространенный сюжетъ. Въ былевомъ эпосѣ той же Олонецкой губерніи этотъ же мотивъ, какъ извѣстно, разработанъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, представляющей и частное сходство въ деталяхъ съ рассказомъ о Рахтѣ. И здѣсь, и тамъ коварная жена, связавъ мужа, въ его

присутствіи забавляется съ любовникомъ и затѣмъ предается казни освободившимся отъ своихъ путь мужемъ. Въ былинѣ Иванъ Годиновичъ, поваливъ Кощея, просить жену подать ему ножъ, чтобы его прикончить, но жена принимаетъ сторону Кощея; въ разсказѣ о Рахтѣ дочь отказывается подать ножикъ отцу, принимая сторону „богоданнаго“ батюшки. Извѣстна въ сказкахъ о невѣрныхъ женахъ и та черта, что жена овладѣваетъ силачемъ—мужемъ, когда онъ отъ извѣстнаго дѣйствія утратилъ временно свою силу. Можно поэтому думать, что весь этотъ разсказъ о Рахтѣ прикрѣпился лишь впоследствии къ рагнозерскому мужику—силачу, какъ обыкновенно бываетъ съ лицами, отличавшимися необычайной физической силой: рядомъ съ дѣйствительными случаями проявленія этой силы въ позднѣйшихъ разсказахъ уже являются анекдоты, почерпнутые изъ обычнаго международного запаса на тему о чудесной силѣ. Если на Рагнозерѣ дѣйствительно жилъ когда-то крестьянинъ—силачъ, въ

чемъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, то онъ могъ проявить свою силу въ обычномъ крестьянскомъ обиходѣ — чисткѣ лѣса, охотѣ на звѣря, пахотѣ, косьбѣ и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ случаевъ проявленія силы въ крестьянскихъ работахъ и донесло до насъ преданіе въ рассказѣ о Рахтѣ, хотя, конечно, въ преувеличенномъ видѣ. Но жизнь крестьянина такъ однообразна, что такіе будничные подвиги представляютъ лишь незначительный интересъ. И вотъ личностью силача овладѣваетъ процессъ „поэтизаціи“. Мѣстный силачъ выходитъ изъ тѣснаго круга родной деревни въ міръ странствующихъ рассказовъ, онъ подбираетъ сильнѣйшаго борца въ столицѣ, на глазахъ у царя или князя, онъ вступаетъ въ сюжетъ о невѣрныхъ женщинахъ, какъ Самсонъ, Иванъ Годиновичъ, Потокъ Михайловичъ и многіе другіе. Изъ желанья разукрасить мѣстнаго силача припоминаются многіе рассказы, ходящіе о другихъ подобныхъ личностяхъ въ сказкахъ и былинахъ...

Съ этой стороны рагнозерскіе рассказы о Рахтѣ представляютъ лишь незначительный

интересъ, какъ обычное приуроченіе къ мѣстному силачу мотивовъ изъ народныхъ сказокъ. Интереснѣе по своей загадочности имя рагнозерскаго силача. Рагнозерскій православный крестьянинъ носить не календарное имя и отчество, а какое-то странное, неизвѣстное ни въ святцахъ, ни въ славянскихъ именословахъ. Это даже какъ будто не имя, а какое-то прозвище: Рахта рагнозерскій можетъ, пожалуй, представляться чѣмъ-то въ родѣ: *силачъ* рагнозерскій, *удалецъ* рагнозерскій. Необычность имени Рахта видна далѣе и въ томъ, что въ другихъ разсказахъ оно видоизмѣняется въ *Ракха* (у Иванова). Невольно является вопросъ: откуда могло имя Рахта попасть въ Олонецкую губернію?

Въ видѣ попытки отвѣтить на этотъ вопросъ выставляю слѣдующую догадку.

Извѣстно, что въ лѣтописяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ богатырей, знакомыхъ устному былевому эпосу (каковы: Добрыня Златой поясъ, Александръ Поповичъ), упоминаются и такіе, которые неизвѣстны современнымъ сказителямъ. Такъ еще

Л. Майковымъ было указано въ его разсужденіи „О былинахъ Владимірова цикла" на свидѣтельство о богатыряхъ кн. Владиміра, внесенное въ Никоновскій лѣтописный сводъ подъ 1000—1004 годами. Нѣтъ сомнѣнія, что приуроченіе въ этомъ сводѣ Александра Поповича и Яна Усмошвеца ко Владиміру объясняется устными сказаніями, ходившими о нихъ, какъ о богатыряхъ Владимірова цикла. Но Александръ Поповичъ (подъ именемъ Алеши Поповича) и доселѣ хорошо извѣстенъ былинамъ, а Янъ Усмошвецъ совершенно незнакомъ сѣверному былевому эпосу, хотя основа лѣтописнаго сказанія о немъ сохранилась въ сказкѣ о Кожемякѣ (Кириллѣ или Никитѣ). Подъ тѣмъ же 1000 годомъ встрѣчаемъ упоминаніе и другого неизвѣстнаго устному эпосу богатыря: „Того жъ года преставися Рахдай удалои, яко наѣзжаше сей на триста воинъ. И плакася по немъ Владиміръ и погребе его со отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтіемъ". Упоминаніе Яна Усмошвеца рядомъ съ Рагдаемъ

встрѣчается и въ другихъ памятникахъ старинной письменности, какъ любопытное свидѣтельство интересное для русскаго книжника XVII в. Такъ въ одной рукописи XVII в. Тверскаго музея (№ 3237, по описанію М. Н. Сперанскаго № 150, стр. 216, л. 23 об.) въ числѣ разныхъ выписокъ и замѣтокъ между тропарями Лаврентію Калужскому, Іоанну Суздальскому, Ѳеодору Суздальскому и спискомъ святыхъ-юродивыхъ помѣщена краткая замѣтка о богатыряхъ Владиміра: „У князя у Владиміра кіевскаго быша силніи мужи богатыри: а) Іанъ Усмошець Переславецъ, что печенежскаго богатыря на водѣ убилъ; в) Рагдай удалый, противъ трехъ сотъ могъ выходить на бой; г) Александръ Поповичъ; д) Ималъ вредъ (эіс!) сильный; е) и Андрихъ Добрянковичъ, и всѣхъ ихъ было 37 богатырей"³).

Въ изслѣдованіяхъ по былевому эпосу уже была попытка воспользоваться лѣтописнымъ упоминаніемъ богатыря

---

³) Сообщеніемъ этой выписки изъ рукописи Тверскаго музея я обязанъ проф. М. Н. Сперанскому. То-же въ Сборномъ Подлинникѣ гр. С. Г. Строганова.

Рахдая (или Рагдая) для исторіи былинныхъ богатырей. Такъ Н. Квашнинъ—Самаринъ, исходя изъ убѣжденія, что Илья Муромецъ дѣйствительно жилъ при князѣ Владиміръ, удивляется, что имя Ильи не упоминается въ лѣтописи на ряду съ Александромъ Поповичемъ и Добрыней и спрашиваетъ, не одно ли лицо Илья Муромецъ съ Рагдаемъ. Илья — христіанское имя богатыря, Рагдай — его славянское имя⁴). Первоначально пѣсни, думаетъ Кв.—Самаринъ, могли знать его подъ обоими именами, потомъ осилило христіанское, особенно въ виду религіознаго почитанія Ильи Муромца.

Еслибъ это предположеніе почтеннаго изслѣдователя могло чѣмъ—нибудь быть подтверждено, оно получило бы несомнѣнное значеніе для исторіи типа народнаго богатыря. Къ сожалѣнію, оно само основывается на другомъ предположеніи, до сихъ поръ ничѣмъ не подтвержденномъ, что Илья Муромецъ —

---

⁴) См, Квашнинъ—Самаринъ. Русскія былины въ историко—географическомъ отношеніи, — въ журн. „Бесѣда” 1871, кн. V, стр. 226.

историческое лицо и притомъ жившее во времена князя Владиміра Святого. Проф. Дашкевичъ уже давно обѣщаль доказать историчность Ильи Муромца, но до сихъ поръ своего обѣщанія не исполниль. Не считая пока возможнымъ, вмѣстѣ съ Квашнинымъ–Самаринымъ, воспользоваться лѣтописнымъ упоминаніемъ Рагдая для *этой* цѣли, я ставлю вопросъ, нельзя ли утилизировать имя Рагдая только для объясненія имени рагнозерскаго силача. Не претендуя на полную убѣдительность, считаю возможнымъ привести въ пользу этого предположенія слѣдующія соображенія. Внесеніе имени богатыря Рагдая въ Никоновскій сводъ и другіе письменные памятники можно объяснить только тѣмъ, что о Рагдаѣ, какъ о богатырѣ непомѣрной силы, наѣзжавшемъ на триста воиновъ, существовали когда–то рассказы, быть можетъ, пѣсни, въ народѣ, конечно, въ той же средѣ, которая пѣла объ Александрѣ Поповичѣ, Добрынь и другихъ богатыряхъ Владимірова цикла. Имя его еще смутно

помнилось въ Московскій періодъ, когда въ лѣтописный сводъ вносятся отголоски народныхъ сказаній о богатыряхъ Владиміра, но, повидимому, Рагдай былъ заслоненъ другими болѣе популярными богатырями. Причина его захудалости въ эпосѣ намъ навсегда останется неизвѣстной, какъ многое другое въ исторіи нашихъ былинь. Далѣе можно предположить, что какая-нибудь былина съ именемъ Рагдая попала въ сѣверный былевой эпосъ, въ тѣ мѣста, въ которыхъ былины сохранились въ наибольшемъ количествѣ, вслѣдствіе разныхъ условій, болѣе или менѣе объясненныхъ наукою, и какъ послѣдній отголосокъ памяти о Рагдаѣ, его имя въ незначительно измѣненномъ видѣ прикрѣпилось, быть можетъ, сначала какъ прозвище, къ мѣстному силачу, котораго собственное имя могло впоследствии забыться. Среди многочисленныхъ примѣровъ искаженія старинныхъ эпическихъ именъ въ устной традиціи передѣлка имени Рагдай или Рахдай въ Рахта не представляетъ никакихъ

затрудненій. Замѣтимъ кстати, что въ имени Рагдай звукъ *г* произносился какъ спирантъ (нашъ *г* въ словахъ Бога, благо), какъ видно, между прочимъ, изъ варианта съ *х* (Рахдай), и что утрата звука *й* дифтонга *ай* не представляетъ большой рѣдкости въ языкѣ. Срав., напримѣръ, формы Бурондай и Буранда въ имени татарскаго предводителя, упомянутаго въ Ипат. лѣтописи (см. указатель), или народныя формы: да-ка (вм. дай-ка), послуша-ко (вм. послушай-ко), сичасъ, сычасъ (вм. сейчасъ), поди (вм. пойди) и т. п.

Конечно, еслибъ лѣтопись сохранила что-нибудь о подвигахъ Рагдая, каковы, напримѣръ, хотя бы лѣтописныя замѣтки объ Александрѣ Поповичѣ, мы могли бы найти въ самомъ содержаніи сказаній о Рахдаѣ и Рахтѣ какія-нибудь аналогіи, которыя сдѣлали бы наше сопоставленіе болѣе вѣроятнымъ. Но при отсутствіи всякихъ подробностей о подвигахъ Рагдая между нимъ и Рахтой общимъ остается

лишь то, что оба отличаются непомѣрной силой и носятъ близкія по звукамъ имена.

Нѣкоторой подпорой нашей догадки могутъ послужить другіе примѣры тому, что иногда старинныя имена, нѣкогда связанныя со сказаніями или пѣснями, сохраняются въ какой-нибудь одной мѣстности, совершенно исчезнувъ изъ народной памяти въ другихъ областяхъ. Такъ, имя половецкаго знаменитаго хана Боняка прикрѣплено къ урочищу Буняково займище около села Деревичи Новоградволинскаго уѣзда, гдѣ была записана и сказка о шолудивомъ Бунякѣ. Но для насъ важнѣе другое преданіе, записанное на сѣверѣ въ Архангельской губерніи, въ которомъ сохраняется имя Кончака, не менѣе знаменитаго половецкаго хана. Изъ извѣстнаго мѣста Галицко-Волынской лѣтописи подъ 1201 годомъ можно вывести, что въ народномъ преданіи историческій Кончакъ получилъ эпическую окраску. Про Кончака сообщается, что онъ „снесе Сулу пѣшь ходя, котель нося на

плечеву"⁵). Здѣсь Кончакъ, носящій на плечахъ котель (вѣроятно громаднѣй) и въ немъ воду Сулы, представляется какимъ-то великаномъ, вѣроятно, въ связи съ какимъ-нибудь недошедшимъ до насъ сказаніемъ. И вотъ въ Архангельской губерніи находимъ великана Кончака вмѣстѣ съ упомнаніемъ о котлѣ. Максимовъ⁶) приводитъ слышанный имъ въ губерніи рассказъ о братьяхъ великанахъ: Кончакѣ, Колгѣ и Жожгѣ, которые были такъ сильны, что, стоя далеко другъ отъ друга, перебрасывались котломъ, какъ легкимъ мячомъ. Естественно является предположеніе, что имя Кончака попало въ архангельское населеніе изъ какихъ-нибудь занесенныхъ туда сказаній и прикрѣпилось къ одной мѣстности, какъ имя Буняка къ извѣстному займишу Волынской губерніи и имя Рахты (Рагдая) къ Рагнозеру въ Олонецкой. Ограничусь этими примѣрами случайнаго сохраненія мѣстными преданіями старинныхъ, давно забытыхъ

---

⁵) Ипатьевск. лѣт. стр. 480.

⁶) Годъ на сѣверѣ, 4-е изд. 1890, стр. 97.

историческихъ или эпическихъ именъ, хотя подобныхъ примѣровъ можно привести не мало.

Вс. Миллеръ.